Генерал А А Брусилов - страницы жизни и деятельности

Андрей Георгиевич Голиков

SHOUT
SHARE
IT

- Голиков Андрей Георгиевич

Голиков Андрей Георгиевич Генерал А А Брусилов - страницы жизни и деятельности

Голиков Андрей Георгиевич

Генерал А.А. Брусилов: страницы жизни и деятельности

Об авторе: Голиков Андрей Георгиевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения отечественной истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Статья выполнена в рамках коллективной работы "Россия: международное положение и военный потенциал. Вторая половина XIX - начало XX в.", готовящейся [на 1998 г.] к печати в Институте российской истории РАН.

Содержание

Вступление
Долгая дорога к славе
"Прошу разрешения действовать наступательно"
Звездный час полководца
Верховный Главнокомандующий
Заключение
Примечания

Вступление

На рассвете 22 мая (4 июня) 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила начало наступления войск Юго-Западного фронта русской армии. Произошел, по словам германского генерала М. Гофмана, "совершенно недопустимый скандал"{1}, стоивший Центральным державам потери Галиции и Буковины; 1,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными; 581 орудия и 1795 пулеметов. Чтобы ликвидировать прорыв, с Западного и Итальянского фронтов были сняты 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийских дивизий{2}. Русские, которых при планировании кампании 1916 г. после понесенных ими год назад поражений ни противники, ни союзники не рассматривали в качестве решающей силы, нанесли неожиданный, как первоначально предполагалось вспомогательный, удар и едва не вывели из войны Австро-Венгрию, спасли итальянцев в Трентино, существенно облегчили положение французов под Верденом, побудили Румынию отказаться от политики нейтралитета и присоединиться к державам Согласия. Инициатором и организатором операции был незадолго до этого назначенный главнокомандующим Юго-

Западным фронтом 63-летний генерал от кавалерии генерал-адъютант Алексей Алексеевич Брусилов.

22 мая (4 июня) 1917 г., в годовщину начала наступления 1916 г., день в день, генерал Брусилов получил назначение на пост верховного главнокомандующего русской армией. Самая распространенная в стране газета "Русское слово" отметила тогда как несомненный факт, "что война не выдвинула более популярного имени, чем имя нового верховного главнокомандующего". Особо подчеркивалось, что генерал Брусилов вступает в командование всей русской армией "в решающий момент войны" с убеждением, что армия "с каждым днем воскресает и крепнет" и что она "выполнит свой долг перед родиной". "Будем надеяться, - заключала газета, - что эта уверенность не обманет нового верховного вождя русских войск"{3}. Но первоначальный успех предпринятого Брусиловым летом 1917 г. наступления оказался эфемерным. Германское командование нанесло заранее спланированный контрудар, в результате которого менее чем за полмесяца русские войска оставили почти всю Галицию. Ответственность за поражение была возложена на верховного главнокомандующего Брусилова освободили от должности. Этот пост занял генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов. Разъясняя причину произведенной замены, газета "Биржевые ведомости" со ссылкой на то, что информация получена от членов Временного правительства, сообщала: "Генерал Брусилов во время событий на фронте не проявил должную высоту, не оказался на высоте своего положения. На выручку явился генерал Корнилов, человек железной энергии, который был признан Временным правительством единственным спасителем армии... Генерал Корнилов не пессимист и не принадлежит к тем людям, которые заявляют, что все уже потеряно"{4}.

Брусилов поселился в Москве и больше непосредственного участия в боевых операциях не принимал. Но имя генерала и опыт его успешных действий в кампании 1916 г. впоследствии были востребованы.

Весной 1920 г., когда польская армия перешла в наступление на Украине, Брусилов возглавил созданное по его инициативе Особое совещание при главнокомандующем вооруженными силами РСФСР. Цель деятельности Особого совещания он видел в обсуждении "наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия"{5}.

30 мая 1920 г. "Правда" опубликовала обращение "Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились", подписанное Брусиловым как председателем Особого совещания при

главнокомандующем, а также его членами А.А. Поливановым, А.М. Зайончковским, В.Н. Клембовским, Д.П. Парским, П.С. Балуевым, А.Е. Гутором, М.В. Акимовым. В обращении содержался призыв "в этот критический исторический момент нашей народной жизни... забыть все обиды... и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл... и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть". На этот призыв откликнулись почти 14 тыс. бывших генералов и офицеров. Они добровольно вступили в Красную Армию и внесли свой вклад в ход боевых действий на польском фронте{6}

Между двумя мировыми войнами опыт летнего наступления 1916 г. армией ЮгоЗападного фронта привлек внимание военных специалистов{7}. Были опубликованы воспоминания Брусилова, значительная часть которых посвящена описанию подготовки и проведения этой операции{8}.

В 1940 г. в Военном издательстве вышел в свет подготовленный Центральным государственным военно-историческим архивом СССР сборник документов "Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 года" как пособие для начальствующего состава Красной Армии для изучения организации и развития фронтовой операции по прорыву неприятельского фронта. Тогда же, в канун Великой Отечественной войны, были опубликованы исследования, посвященные этой операции{9}.

В годы Великой Отечественной войны имя генерала Брусилова в ряду имен выдающихся отечественных полководцев служило делу воспитания патриотизма советских воинов на примерах триумфальных побед русского оружия: переиздавались его мемуары{10}, несколькими изданиями вышел очерк историка В.В. Мавродина о Брусилове{11}, были написаны романы и пьесы{12}.

Но с 1948 г. имя Брусилова исчезло из открытой печати. Причиной этого стало письмо министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова на имя И.В. Сталина, в котором сообщалось, что среди документальных материалов Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, поступивших в СССР после окончани Великой Отечественной войны, обнаружена рукопись "Воспоминаний" А.А. Брусилова о его жизни после революции, антисоветская по направленности. Поэтому все материалы, связанные с именем Брусилова, из открытого обращения были изъяты и переведены в закрытые фонды.

В 1961-1962 гг. по инициативе Главного архивного управления, незадолго до этого переданного из ведения МВД в ведение Совета министров СССР, была проведена графологическая и лингвистическая экспертиза рукописи. Исследователи пришли к заключению, что текст был написан "не Брусиловым, а его женой Н.В. Брусиловой, использовавшей отдельные наброски и отрывки, написанные под диктовку Брусилова или им самим, при этом антисоветскую направленность она придала рукописи при окончательном ее оформлении уже после смерти мужа" (А.А. Брусилов умер в 1926 г.). В записке от 6 июля 1962 г., подготовленной Отделом административных органов ЦК КПСС для Секретариата ЦК, суммировалась история вопроса и был сделан вывод о том, что "необоснованное изменение оценки роли Брусилова в истории первой мировой войны произошло в 1948 г. вследствие неправильной информации бывшего МВД СССР"{13}.

Уже осенью 1962 г. появились первые публикации о А.А. Брусилове{14}, в следующем году были переизданы его воспоминания{15}, чуть позже опубликовано исследование о жизни и деятельности генерала{16}. Вплоть до осени 1989 г. брусиловская тема разрабатывалась в традиционном ключе: пропагандировалось мастерство Брусиловаполководца, подчеркивались его патриотизм, лояльное отношение к советской власти{17}.

В 1989-1991 гг. в "Военно-историческом журнале" увидели свет фрагменты из второй части воспоминаний Брусилова, где описывалась его жизнь после Октября 1917 г.[18}. На основании этой публикации некоторые отечественные исследователи пересмотрели свои прежние оценки деятельности Брусилова в последний период его жизни. Так, Ю.В. Соколов, ранее подчеркивавший его "искреннюю лояльность по отношению к Советской власти"{19}, в опубликованной в 1994 г. монографии утверждает, что с октября 1917 г. Брусилов был "внутренним эмигрантом". Примечательно, что, по собственному признанию Соколова, рукописи второй части он "не держал в руках, хот и пытался увидеть ее". Однако Соколов "склонен считать, что она подлинная", а антисоветские высказывания "принадлежат самому Брусилову. Вполне допустимо, что некоторые из них могла вписать и Надежда Владимировна - почему бы и нет?... Но коль скоро Брусилов подписал текст, то, следовательно, он согласился с добавлениями жены"{20}. Думается, что вопрос о достоверности текста, с которым исследователи могут работать только по публикации, не решается столь просто, как это представляетс Ю.В. Соколову. Мы не знаем, что именно подписал Брусилов.

Известно, что работа над текстом велась уже после его смерти. Какая? Пометы и исправления, сделанные рукой Н.В. Брусиловой на сохранившихся в архивном фонде Брусиловых документах, даже не предназначавшихся для публикации, побуждают к сугубой осторожности при работе с опубликованными текстами. Только после проведени всесторонней источниковедческой экспертизы рукописи может идти речь о научном использовании содержащейся в ней информации.

Автор статьи поставил своей задачей сравнительное исследование действий Брусилова во время летних наступлений русской армии в 1916 и 1917 гг. О каждом из них написано много{21}. Показательно, однако, что все, писавшие о Брусилове, избегают сопоставлять его действия в этих операциях. Очевидно смущают прямо противоположные результаты. Сам Брусилов впоследствии склонен был объяснить их исключительно субъективным, морально-психологическим фактором: в 1916 г. русская армия "еще была крепка и, безусловно, боеспособна", тогда как в 1917 г. "не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать"{22}. Такой подход явно односторонен. Несомненно, что успех Брусилова в 1916 г. и его поражение летом 1917 г. стали результатом сочетания целого ряда как субъективных, так и объективных факторов. В ряду последних существенное значение имели международное положение России и ее военный потенциал.

Долгая дорога к славе

Алексей Алексеевич Брусилов родился 19(31) августа 1853 г. в Тифлисе. Его отец, генерал-лейтенант Алексей Николаевич Брусилов, состоял тогда председателем полевого аудиториата Кавказской армии. Крестным отцом Алексе был наместник фельдмаршал князь А.И. Барятинский. В июле 1857 г. записью о назначении пажем к высочайшему двору открылся послужной список Брусилова{23}. Пажу не исполнилось тогда и четырех лет.

Двумя годами позже умер отец, а вскоре не стало матери. Алексея и его младших братьев, Бориса, четырех лет, и Льва, двух лет, взяла на воспитание бездетная тетка Г.А. Гагенмейстер. Мальчики переехали к ней в Кутаиси, и начальное образование они получили дома.

Борис впоследствии стал кавалерийским офицером, после выхода в отставку жил в своем имении Глебово под Москвой, около Воскресенска. Лев избрал карьеру моряка. Он участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и русско-японской войне 19041905 гг. В 1906 г. стал начальником Морского генерального штаба, в 1908 г. получил звание вице-адмирала. Умер в 1909 г. Алексей Брусилов 14 лет поступил по экзамену в четвертый класс

Пажеского корпуса в Петербурге. По окончании в 1872 г. корпуса он был выпущен офицером в 15-й драгунский Тверской полк, стоявший на Кавказе. Там же, на Кавказе, Брусилов получил боевое крещение, участвуя в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Его заслуги "в делах с турками", особенно при овладении штурмом крепостями Ардаган и Каре, были отмечены тремя орденами. После окончания войны вплоть до осени 1881 г. Брусилов продолжал службу на Кавказе. Затем его карьера делает крутой вираж: командировка в учебный эскадрон офицерской кавалерийской школы в Петербурге, а по окончании ее - перевод в постоянный состав. Вершины петербургского этапа служебной карьеры - должность начальника Офицерской кавалерийской школы и затем командование 2-й гвардейской кавалерийской дивизией.

В 1884 г. Брусилов женился на Анне Николаевне Гагенмейстер, племяннице своего названного дяди. Брак был устроен ввиду общих семейных интересов. В 1887 г. у супругов родился сын Алексей. Он погиб в 1919 г., участвуя в гражданской войне. В 1908 г. неожиданно умерла жена. Брусилов тяжело пережил утрату. Исходатайствовав новое назначение, он покинул столицу и уехал в Люблин командиром 14-го армейского корпуса.

В Люблине, по словам Брусилова, "все было ладно, кроме отсутствия хозяйки"{24}. Видный генерал, занимавший в иерархии губернского города положение более высокое, чем губернатор, мог рассчитывать на самую блестящую партию. Но он сделал выбор неожиданный для всех: для окружающих, для его избранницы и, как уверяет Брусилов в письмах и воспоминаниях, для него самого, 57-летний вдовец предложил руку 45-летней Надежде Владимировне Желиховской, в которую в молодости был тайно влюблен, но затем почти на 20 лет потерял из вида. Как и Брусилов, семья Желиховских была связана с Кавказом. Отец Надежды Владимировны, Владимир Иванович, директор Тифлисской классической гимназии, а позднее помощник попечителя Кавказского учебного округа, умер в 1880 г. Мать, Вера Петровна, урожденная Ган (по первому мужу Яхонтова) - популярная детская писательница 8090-х годов прошлого века. Со сводным братом своей избранницы Ростиславом Николаевичем - молодой Брусилов участвовал в военной кампании 1877-1878 гг. Давнее знакомство семьями, воспоминания о юной Надежде и основанная на этом уверенность, что она отлично справится с ролью важной дамы, интересами которой будут служебные дела мужа, определили выбор.

Приняв решение, Брусилов действовал энергично. Эта предпринятая им осенью 1910 г. стремительная наступательная

операция на личном фронте как бы предвосхитила образ действий летом 1916 г.: та же ошеломляющая нетрадиционность замысла, та же продуманная тщательность подготовки, та же решительность в ходе - осуществления операции. В этом смысле история женитьбы Брусилова представляет определенный интерес для понимания личности полководца. Сохранившиеся письмами Брусилова к Желиховской позволяют проследить развитие событий{25}.

Первое письмо Брусилова датировано 16(29) сентября 1910 г.: "Многоуважаемая Надежда Владимировна! На всякий случай пишу Вам, не будучи уверен, что мое письмо до Вас дойдет, и не зная, захотите ли Вы мне ответить. Живу я теперь одинокий в г. Люблине по занимаемой мною должности командира 14 армейского корпуса. Должность высокая, власть большая, подчиненных пропасть, но благодаря всему этому... тоскливо. Вот я и подумал со старыми знакомыми и друзьями начать переписку... Я случайно узнал Ваш адрес, но право не знаю, впрок ли он. Пишу на удачу. Мне много приходится разъезжать по войскам, а потому не сетуйте, если я Вам не сейчас отвечу, но пожалуйста отвечайте мне сейчас (подчеркнуто Брусиловым. - А.Г.), если только желаете мне ответить, и пишите подробно о себе".

Получив ответ, генерал спешит закрепить успех: "Милая, дорогая Надежда Владимировна! Только что вернулся из объезда войск и застал Ваше обширное письмо, которому очень (подчеркнуто Брусиловым. - А.Г.) обрадовался. Спасибо Вам за него... На Ваше подробное письмо о Вашем житье-бытье и я опишу Вам мою жизнь; таким образом, хоть издали, мы с Вами сблизимся по-старому".

Свой обстоятельный рассказ о буднях командующего корпусом, готовящего вверенные ему войска к "экзамену на будущих полях сражений", которые уже не за горами, о собственном блестящем одиночестве в большом и очень благоустроенном на заграничный манер городе Люблине, о квартире, о жаловании и о родственниках Брусилов заключил просьбой не забывать "старого друга".

После такой подготовки 3(16) октября последовало решительное письмо-предложение: "Многоуважаемая и дорогая Надежда Владимировна! Вы будете, вероятно, очень удивлены, читая это письмо, но прошу Вас дочитать его до конца, обдумать его содержание и ответить вполне искренно, в той же степени, в какой и я Вам теперь пишу. 2 1/2 года назад, как Вам известно, я, к моему большому горю, овдовел. Я крепко любил мою жену и ее потеря была для меня тяжким ударом... Не взирая на видное

положение и большой служебный успех, дающие мне полные основания полагать, что моя карьера не остановится должностью Корпусного командира, ничто меня не радует и отсутствие подруги жизни мен страшно угнетает... Единственная женщина в мире, с которой я мог бы связать опять свою судьбу - это Вы... Я хотел бы просить Вас принять мою руку и только чтобы узнать верность Вашего адреса я и писал Вам... Очевидно, если бы Вы в принципе (подчеркнуто Брусиловым. - А .Г.) приняли мое предложение, то нам было бы необходимо, предварительно, о многом переговорить". На этот случай Брусилов сообщает последовательность и сроки предполагаемых им действий: "Я не хотел бы долго тянуть, повидать бы Вас и переговорить в последних числах этого месяца, когда у меня будет несколько свободных дней, а в ноября мы бы повенчались, если наши переговоры увенчаются успехом".

Для ускорения дела генерал просил по принятии решения протелеграфировать ответ о согласии или отказе переговорить с ним "по этому поводу". Письмо имело помету "В. секретно" и в заключении содержало просьбу "пока дело не решилось, держать его в строжайшем секрете (подчеркнуто Брусиловым. - А.Г.)", в случае же отказа вернуть письмо отправителю.

Желиховская колебалась. Но бомбардировка письмами продолжалась. Состоялось свидание. Согласие Желиховской перевело подготовку к бракосочетанию в практическую стадию.

Брусилов все же устроил проверку: просил невесту еще раз "поразмыслить свой шаг" и поэтому предложил отсрочить свадьбу на два месяца. В письме, датированном 4(17) ноября, он так объяснил Желиховской логику своих действий: "По многим данным, в Тебе я уверен не был. Это правда, что я ворвалс в Твою жизнь как ураган и я опасался, что в вихре его Ты не разобралась и будешь потом жалеть об этом непоправимом шаге, а потому, оставляя себ связанным по отношению к Тебе, я предоставлял Тебе свободу мне отказать или же отложить свадьбу, чтобы осмотреться... Как только Ты заявила, что желаешь теперь же связать свою жизнь с моей, я тотчас же это и устроил с радостью... Мне именно нужно было, чтобы Ты решила сама и потребовала свадьбы теперь же, чтобы это исходило от Тебя, по свободной воле".

Судя по дальнейшему содержанию письма, Желиховская не только не согласилась отсрочить свадьбу, но, наоборот, настаивала на том, чтобы венчание состоялось ранее обговоренного при свидании срока. И Брусилов вынужден был оправдываться и объяснять: "Я не мог исполнить Твоего желания ускорить нашу свадьбу на 8-е потому, что не хватило бы времени

на исполнение всех формальностей и на получение разрешения вступить в брак, ибо Скалой (командующий войсками Варшавского военного округа. - А.Г.) ездил в Вержболово встречать Государя и вернулся только сегодня, а разрешение он должен сам подписать".

Генерал разработал детальный план венчания. Учитывая, что штаб его корпуса дислоцирован в Люблине, а Желиховская жила в Одессе, местом венчания назначил Ковель, где сходились железнодорожные линии из этих городов и был дислоцирован подчиненный Брусилову драгунский полк. Примерно семь часов - время между прибытием в Ковно поезда из Одессы и отправлением поезда на Люблин отводилось на церемонию венчания.

Кадровый военный, для которого соблюдение соответствующей случаю формы одежды было делом само собой разумеющимся, инструктирует будущую генеральшу: "Имей в виду, что венчаться женщина должна с покрытой головой, таков церковный устав. Так как Ты венчаешься в дорожном, а не в свадебном платье, то нужно будет Тебе иметь (не знаю, как это у вас называется) чепец или наладку или же не чрезмерно высокую и широкую шляпу на голове".

В последнем предсвадебном письме от 6(19) ноября Брусилов оговаривает способ оповещения о выезде Желиховской из Одессы в Ковель: "Дорогая моя невесточка! 9-го ноября, при отъезде из Одессы в 11 ч. 50м. у[тра}, пошли две телеграммы на мое имя. Одну - срочную (подчеркнуто Брусиловым. - А.Г.) в Люблин (иначе я ее наверно не успею получить), а другую: Ковель, вокзал, до востребования, генералу Брусилову. В обоих сообщай кратко о часе выезда. Таким образом не здесь, так там, я получу одно или оба извещения о Твоем выезде".

Утром 10(23) ноября генерал Брусилов встретил свою невесту на вокзале в Ковеле. Венчание состоялось в церкви драгунского полка. Жених был в блестящем парадном мундире, невеста - в сером суконном дорожном платье и белой шляпе. На венчании присутствовало только несколько свидетелей. Родственникам и знакомым, в соответствии со списком, составленным Брусиловым, были посланы извещения. Обряд состоялся в намеченный час и прошел точно по плану. Так, менее чем через два месяца после начала, успешно завершилась матримональная кампания генерала Брусилова.

В дореволюционной России родственные связи играли существенную роль. Поэтому семейные унии являлись объектом пристального внимания. Показательно, что отставной премьер С.Ю. Витте, мать которого была родной сестрой бабушки Н.В.

Желиховской, счел необходимым сразу же отметить в воспоминаниях новость замужество родственницы, крестницы его младшего брата Александра{26}.

Выиграв кампанию на личном фронте, Брусилов стал деятельно готовиться к боевым действиям на фронтах неумолимо приближавшейся, неизбежной, по его убеждению, войны. Летом 1913 г. он участвовал в качестве главного посредника в маневрах войск Киевского военного округа. Приняв тогда же назначение командующим 12-м армейским корпусом этого округа, дислоцированным на границе с Австро-Венгрией, организовал в течение зимы 1913/14 г. и весны 1914 г. военные игры и полевые поездки для всех подчиненных ему начальствующих лиц. За три месяца до войны, в апреле 1914 г., он участвовал в военной игре старших войсковых начальников, предназначавшихся к занятию должностей командующих армией, фронтами и соответствующих начальников штабов. С объявлением войны Брусилов получил назначение командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Полгода спустя боевой генерал, уже отмеченный за успешные действия руководимых им войск двумя орденами Святого великомученика и победоносца Георгия и, по собственному признанию, вполне почувствовавший, что такое ответственность{27}, писал жене: "Мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще... Но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело"{28}.

Однако главные испытания и "звездный час" генерала были еще впереди.

В 1915 г. Брусилову, начавшему войну наступательными операциями, пришлось пережить горечь отступления, в ходе которого было потеряно то, что столь недавно приобреталось трудом и кровью руководимых им войск. Генерал не питал иллюзий ни в отношении масштабов, ни в отношении продолжительности войны. "Это исключительная, мировая война, не ожидай ее скорого конца", - разъяснял он жене. Но войну "выиграть необходимо во что бы то ни стало (подчеркнуто Брусиловым. - А.Г.)"{29}. Что из того, что противники "считают себя по праву факта победителями. Предстоит им доказать, что они ошибаются, для этого их нужно разбить и выкинуть вон из нашей страны. Это, несомненно, будет, но не так-то скоро... как ни тяжело, но мира не может быть, пока не разгромим немца"{30}. В марте 1916 г. Брусилов получил назначение главнокомандующим Юго-Западным фронтом. В письме к жене об этом он писал: "Таким образом увенчиваетс моя военная карьера.

На сердце у меня смутно, радости нет, но есть тяжесть страшной ответственности"{31}.

"Прошу разрешения действовать наступательно"

Чувство личной ответственности перед Родиной побудило Брусилова предпринимать шаги, необычные для высшего генералитета времен последнего российского самодержца. Он решительно оспорил мнение своего предшественника и штаба верховного главнокомандующего, согласно которому войскам Юго-Западного фронта в кампании 1916 г. предназначалось сугубо пассивная, оборонительная роль. Через неделю после назначения генерал заявил Николаю II, что если ему не будет предоставлена инициатива наступательных действий, он в таком случае будет считать свое пребывание на посту главнокомандующего фронтом не только бесполезным, но и вредным и попросит о замене.

"Государя, - вспоминал Брусилов, - несколько передернуло, - вероятно, вследствие столь резкого и категорического моего заявления, тогда как по свойству его характера он был более склонен к положениям нерешительным и неопределенным... Тем не менее он никакого неудовольствия не высказал, а предложил лишь повторить мое заявление на военном совете, который должен был состояться 1 апреля, причем сказал, что он ничего не имеет ни за, ни против и чтобы я на совете сговорился с его начальником штаба и другими главнокомандующими"{32}.

На этом совете предстояло выработать программу боевых действий на 1916 г.

М.К. Лемке, возглавлявший "Бюро печати" при Ставке, записал в дневнике: "1 апреля 1916 г. Брусилов приехал сегодня утром. Он совсем не такой молодец, каким его изображают на более молодых фотографиях: слегка сгорблен, усы короткие, весь какой-то немного сдавленный, впечатления молодцеватости уже не производит. Совещание началось в 10 час. утра. Были: царь, Сергей Михайлович, Алексеев, Пустовойтенко, Шуваев, Иванов, Куропаткин, Эверт, Брусилов, Квецинский, Клембовский. Русин; записывали Шепетов и Безобразов... Совещание происходило в большой комнате, где занимаются Алексанович и другие. Обе комнаты по сторонам были заперты с удалением всех из журнальной"{33}.

По плану, доложенному начальником штаба верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В. Алексеевым, войскам Юго-Западного фронта отводилась оборонительная роль до тех пор, пока не обозначится успех его северных соседей - Западного и Северо-Западного фронтов, которым предстояло вести наступательные операции. Этим фронтам передавались

тяжелая артиллерия и резервы, находившиеся в распоряжении Ставки. Брусилов же сформулировал собственное понимание концепции ведения боевых действий и в соответствии с ним определил задачи войск Юго-Западного фронта: "Недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на противника всеми фронтами, дабы прекратить противнику возможность пользоваться выгодами действий по внутренним оперативным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях. Поэтому я настоятельно прошу разрешени и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина"{34}.

Характерна реакция участников совещания на это предложение. Алексеев не возражал, но предупредил, что ни дополнительной артиллерии, ни большего количества снарядов Брусилов для наступления не получит. Царь, председательствовавший на совете, промолчал в знак согласия со своим начальником штаба, санкционировав одновременно и предложение главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Коллеги последнего с неодобрительным удивлением наблюдали за тем, как только что назначенный на должность военачальник по своей инициативе рискует карьерой и своей военной славой. Брусилов, однако, думал по-другому. Позже он писал: "Ведь и я был обречен, ранее других, на полное бездействие и мертвую оборону, но не согласился и сам настоял, напросился на атаку. Я очень хорошо понимаю, что ставлю себя на карту, но о себе я не думал, я думал о благе России, и моя сила и заключается в том, что я чувствую, чем живет арми и что она думает и что можно делать, а чего нельзя. Знал и знаю, что нужно идти вперед (подчеркнуто Брусиловым. А.Г.), иначе проиграем кампанию"{35}.

5 апреля Брусилов собрал командующих армиями Юго-Западного фронта, чтобы лично сообщить своим соратникам решение о наступлении и разъяснить избранный способ действий. Главнокомандующий фронтом предложил оригинальный план прорыва оборонительных рубежей противника. Суть плана была сформулирована им на следующий день в директиве

командующим армиями: "1. Общие указания,

а) Атака должна вестись по-возможности на всем фронте армии, независимо от сил, располагаемых для сего. Только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы,

б) Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции,

в) Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не по карте, а на месте показом, совместному с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии"{36}.

Принципиальная новизна замысла полководца не была понята Ставкой. Алексеев сомневался. Он полагал, что при 600 тыс. штыков и 58 тыс. шашек у Брусилова против 420 тыс. штыков и 30 тыс. шашек у противника без особого риска можно собрать в точке главного удара превосходство в сотню тысяч штыков и тем самым сделать все для победы. За три дня до назначенного срока наступления войск Юго-Западного фронта он телеграфировал Брусилову: "Мое глубокое убеждение сводится к повелительной необходимости собрать на одном избранном участке подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту. Демонстрации будут достаточны для удержания противника; устранить окончательно переброску его резервов второстепенными ударами, бедно снабженными артиллерийскими средствами, все равно трудно. Прорыв и разгром одной армии решит дело полнее, чем несколько небольших успехов".

Алексеев выражал готовность, "если обстоятельства потребуют замедлить атаку дня на два", доложить об этом императору{37}.

Брусилов, сообщив, что на направлении главного удара на фронте атаки в 20 верст сосредоточены 148 батальонов против 53 неприятельских батальонов, категорически настаивал на осуществлении разработанного им плана прорыва. "Считаю существенно необходимым, - указывал он, - нанесение частных, хотя бы слабых ударов на фронтах всех армий, не ограничиваясь поисками, не могущими сковать резервы противника: противник теряется, не будучи в состоянии определить направление главной атаки. Достигается также моральный эффект, важный при действии против австрийцев... Ходатайствую усердно не отлагать атаки, все готово, каждый потерянный день ведет к усилению

противника, нервирует войска"{38}.

Царь, которому были доложены позиции военачальников, предоставил "выбор дня для начала действий" усмотрению Брусилова{39}. Тем самым как бы давалось молчаливое согласие на реализацию предложенного им плана.

Решение царя во многом определялось военно-политическим положением России. Первая мировая война вызревала и развивалась как столкновение коалиций государств. Россия вступила в войну, связанная военно-политическим союзом с Францией, заключенным в 1891-1893 гг. и дополненным военно-морской конвенцией 1912 г.

Союзные отношения между Россией и Англией к началу войны не были оформлены. Однако царское правительство было осведомлено о соглашении между Англией и союзной Францией. По этому соглашению в случае войны между Германией и Францией последняя получала поддержку Англии, которая обязывалась высадить экспедиционный корпус на континенте и приступить к активным действиям на море. В 1914 г. между Россией и Англией велись переговоры о заключении военно-морской конвенции. Союзные отношения между Россией, Англией и Францией были оформлены уже в ходе первой мировой войны соглашением от 23 августа (5 сентября) 1914 г. о незаключении сепаратного мира. 17(30) ноября 1915 г. к этому соглашению присоединились Италия и Япония. Так формировался блок держав Согласия.

Союзу этих государств противостоял блок центрально-европейских держав: Германии и Австро-Венгрии. К началу первой мировой войны в него формально входила также Италия, связанная с 1882 г. союзным соглашением с Германией и Австро-Венгрией. Так сформировался Тройственный союз. Однако, когда в июле 1914 г. Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, Италия, сославшись на нарушение союзницей условий договора, которым предусматривались предварительные взаимные консультации по политическим и экономическим вопросам общего характера, уклонилась от вступления в войну, объявив о нейтралитете. Весной 1915 г., получив предварительное согласие Англии, Франции и России принять во внимание ее территориальные и экономические интересы, Италия вступила в войну на стороне противников Германии и Австро-Венгрии. В ходе войны в блок центральных держав вошли в 1914 г. Турция и в 1915 г. Болгария. Блок получил название Четверного союза.

Долговременное ведение боевых действий коалициями государств требовало не только согласования общеполитических целей и планов, но и постоянной координации военных усилий

союзников. Для держав Согласия таким координирующим их действия органом стали межсоюзнические конференции. Первая из них была проведена 24 июня (7 июля) 1915 г. во французской главной квартире в Шантальи. В ходе конференции представители главных командований стран Согласия достигли договоренности оказывать помощь той союзной армии, которая будет атакована вооруженными силами Четверного союза. Но этот принцип не был тогда проведен в жизнь. Летом и осенью 1915 г., когда русская армия один на один сражалась с австро-германскими войсками, союзники не оказали ей реальной помощи.

23-26 ноября (6-9 декабря) 1915 г. в Шантальи состоялась вторая межсоюзническая конференция. Она признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению всех союзных армий на трех главных театрах французском, русском и итальянском. Союзники договорились, что если один из них подвергнется нападению, то остальные окажут ему всестороннюю помощь. Но единого стратегического плана принять не удалось. Подтвердилась на практике мысль К. Клаузевица о том, что "...мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, отнеслось к ним столь же серьезно, как к своим собственным... В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая оборонительные и наступательные союзы, государства взаимно обязываются оказывать друг другу поддержку; при этом, однако, вражда и интересы одного союзника не становятся обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на объект войны, ни на усилия противника, обещают друг другу в помощь определенную, обычно очень умеренную военную силу{40}".

Наличие серьезных расхождений между союзниками по коренным вопросам войны требовало организации новой встречи военных руководителей. Очередную конференцию намечено было провести в конце февраля - начала марта 1916 г. Но прежде, чем она состоялась, жизнь преподала союзникам урок. Утром 8(21) февраля началось Верденское сражение. После мощной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление. Одновременно австро-венгерские войска приступили к проведению операции против итальянцев в Трентино. Союзники обратились за помощью к России. Предпринятая в марте наступательная операция на русском фронте вынудила немцев перебросить с западного фронта на восточный свыше четырех дивизий. Атаки на Верден были временно прекращены.

Очередное совещание представителей военного

командования союзных держав состоялось 28 февраля (12 марта) в Шантильи. В его ходе был согласован срок общего наступления. Было условлено, что первой выступит русская армия, а спустя две недели ее поддержат армии союзников. Вскоре после совещания в Шантильи, 14-15 (27-28) марта, в Париже была проведена военно-политическая конференция держав Согласия. Открывая конференцию, ее председатель французский премьер-министр А. Бриан отметил, что она знаменует солидарность союзных стран, их твердое намерение вести общие, согласованные действия: "Одна общая задача, которой служит единая армия, на едином фронте, по общему побуждению и против общего врага{41}". Подтвердив решения совещания в Шантильи, участники конференции уделили большое внимание экономическим вопросам. В частности, был принят ряд решений о взаимной помощи вооружением и продовольствием. Общая декларация, утвержденная на последнем заседании конференции, гласила: "Представители союзных государств, собравшиеся в Париже 27 и 28 марта 1916 г., подтверждают полную общность взглядов и солидарность союзников. Они подтверждают все меры, принятые для осуществления единства действий на едином фронте. Они под этим подразумевают единство военных действий, обеспеченное соглашением между штабами; единство экономических действий, организация которых была решена настоящей конференцией, и единство действий дипломатических, которые служат порукою в неколебимом желании продолжать борьбу для достижения общей цели"{42}.

В эти дни Брусилов был назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом русской армии.

Положение России в составе коалиции держав Согласия определялось ее военно-экономическим потенциалом. Ее людские ресурсы оценивались союзниками как неисчерпаемые. Россия имела самую большую армию мирного времени и смогла призвать под ружье за время войны наибольший людской контингент. Согласно данным, которые привел А.М. Зайончковский, к началу войны Россия имела кадровую армию численностью 1.284.155, Франция - 884.000 вместе с колониальными войсками, Англия - 411.400 вместе с индийской армией, Германия 768.000, Австро-Венгрия - 478.000 человек. По окончании мобилизации численность армии России составила 5.460.955, Франции - 3.781.000, Англии около 1.000.000, Германии - 3.822.000, Австро-Венгрии - 2.300.000 человек. За время войны были призваны под ружье: в России - свыше 15 млн., во Франции более 8,3 млн., в Англии - 7,4 млн., в Германии - 11 млн., в Австро-Венгрии 9 млн. человек{43}.

Война 1914-1918 гг. была не только первой мировой по своему масштабу, она стала столкновением держав, в котором, как никогда прежде наряду с численностью и искусностью действий войск, решающее значение приобрели факторы экономические: финансовые, ресурсные, технические. Очевидно, что оценивая военно-экономический потенциал держав, не следует абсолютизировать значения количественных показателей, его составляющих. Так, Англия, будучи в наименьшей степени обеспечена продовольствием, располагая сильным флотом, имела большие возможности восполнять недостаточность своих внутренних ресурсов, чем Германия и Австро-Венгрия. Владевшая огромными каменноугольными запасами, нефтяными богатствами и лесными массивами, Россия в годы войны ввозила уголь морем из Англии, затрачивая на это свыше 1/3 тоннажа заграничных поставок{44}. Это казалось более легким и доступным, чем доставка отечественного угля по железным дорогам.

Готовясь к войне, все державы строили расчеты на том, что она не будет длительной и для ведения ее окажутся достаточными запасы вооружения и снаряжения, заготовленных в мирное время. Действительность показала несостоятельность этих расчетов. Уже осенью 1914 г. все воюющие державы стали испытывать кризис боевого снабжения. Наряду с активизацией деятельности военных заводов, попытками разместить заказы за границей, во всех воюющих государствах встал вопрос о необходимости привлечения гражданской промышленности к работе на войну. В России организация этого дела была возложена на созданное в августе 1915 г. Особое совещание по обороне государства. К 1916 г. его деятельность дала осязаемые результаты. Уже с конца 1915 г. русская промышленность начала обеспечивать изготовление необходимого количества артиллерийских снарядов, за исключением снарядов крупных калибров, их производство было организовано в России только в 1916 г. Ежемесячное поступление в армию снарядов российского производства, в сравнении с 1914 г., в 1915 г. увеличилось в 6 раз, в 1916 - в 12 раз. В 1916 г. был достигнут и максимум в производстве артиллерийских орудий (5127 шт.) - в 2,5 раза больше, чем в 1915 г. В целом отечественные артиллерийские заводы смогли покрыть потери в артиллерии и дали возможность удвоить артиллерийский парк армии{45}. Все эти факторы благоприятно сказались при подготовке наступления генералом Брусиловым.

Отдавая должное материальному обеспечению боевых действий войск, Брусилов, как рачительный военачальник,

требовал от подчиненных учитывать опыт предшествующих сражений "дабы устранить возможность повторения ошибок, допущенных в организации операций и боев". В частности, он настаивал на необходимости "сделать точный расчет снарядам, памятуя необходимость целесообразного и экономного расходования их не только ввиду ограниченного отпуска, но также и вследствие неизбежного изнашивания орудий и трудности их замены... стрельба должна вестись пристреливаясь не батареями, а каждым орудием и корректируя каждый выстрел, даже при стрельбе на поражение; беглый огонь - лишь в исключительных случаях, когда главное - не терять времени... Чтобы видеть результаты артиллерийской подготовки необходимо привлечь к наблюдению и корректированию аэропланы"{46}. Брусиловым были сформулированы принципы и поставлены конкретные задачи ведения наступательных боевых действий с тем, чтобы добиться успеха, опираясь не столько на численный перевес атакующих, сколько на их умение{47}.

Начало наступления войск русского Юго-Западного фронта было ускорено событиями в Италии. 11(24) мая Брусилов получил телеграмму от Алексеева с пометой: "Спешно". В ней сообщалось: "Итальянцы потерпели в Трентино неудачу, которая может обратиться в катастрофу, если австрийцы будут продолжать операцию достаточными силами. Союзники, особливо итальянцы, настоятельно просят нашего содействия переходом в скорейшее наступление хотя бы только войсками Юго-Западного фронта, дабы принудить австрийцев оттянуть против нас часть сил, собранных ныне на итальянском фронте... Начать общую атаку в данное время мы не можем, но произвести удар вашим фронтом против ослабленных войск противника представляется выгодным в виде начала общей операции и крайне желательным для оказания действительной помощи итальянцам, положение которых, по-видимому, продолжает ухудшаться. Прошу вас спешно уведомить, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для производства атаки австрийцев по намеченному плану"{48}.

В тот же день Брусилов ответил, что готов начать артиллерийскую атаку 19 мая (1 июня){49}.

Ставка полагала, что итальянское командование, приняв необходимые меры, могло бы самостоятельно стабилизировать ситуацию. Но итальянская сторона засыпала российскую ставку просьбами, требованиями, призывами о помощи. Король Италии Виктор Эммануил III обратился с личной телеграммой к Николаю II, прося ускорить переход в наступление армий Юго-Западного фронта. Царь санкционировал начало операции 22 мая (4 июня)

1916 г.

Звездный час полководца

На рассвете 22 мая (4 июня) на всем протяжении русского Юго-Западного фронта началась атака. Телеграфные агентства, газеты разнесли весть о ней по всему миру. Газета "Русское слово" под набранным крупным шрифтом заголовком "Бой на фронте генерала Брусилова" сообщала: "На нашем Юго-Западном фронте случилось наконец то, чего с таким нетерпением и так страстно ждала вся Россия более года: наши войска перешли в наступление по всему фронту от Припяти до Румынской границы, т.е. на пространстве примерно в 400 верст. Фронт этот находится под общим командованием генерала Брусилова. О размерах и успехе для нас начавшегося боя свидетельствует количество пленных - 13.000, т.е. около одной австрийской дивизии, взятых нами всего только в первый день наступления. Нами взято много орудий, пулеметов и других предметов военного снаряжения, количество которого не приведено пока в известность... Несомненно: бой на Юго-Западном фронте - первое согласованное действие союзников. Несомненно и то, что наступление наше находится в связи с операциями на итальянском фронте и возможно, что в случае своего дальнейшего развития оно принесет в ближайшем будущем реальные плоды в виде оттяжки части австрийских войск с итальянского фронта и смягчит несколько затруднительное положение наших союзников в этом районе... Если наше наступление против австрийцев примет слишком угрожающий характер, то их союзникам германцам придется придти на помощь хотя бы из эгоистических соображений путем весьма затруднительной переброски войск с севера на юг"{50}.

В день, когда было опубликовано это сообщение, первый офицер штаба 8-й немецкой армии, дислоцированный на Восточном фронте, М. Гофман записал в дневнике: "Вышло что-то скверное. Австрийцы у Ровно опять допустили, чтобы русские их поколотили... Самое возмутительное, что все русские резервы стоят около нас"{51}.

Последующие дневниковые записи Гофмана содержат своеобразную хронику Брусиловского наступления - взгляд на него с другой стороны линии фронта.

Для всеобщего сведения хронику этого наступления сообщали русские газеты 25 мая (7 июня): "Наступление генерала Брусилова разразилось как гром среди ясного, - по крайней мере, в германском освещении, - неба австро-германского наступления у Вердена и в Трентино. Тринадцатый штурм Вердена, едва ли не самый упорный из всех бывших доселе и продолжавшийся почти беспрерывно две недели, сразу потух... Австрийское наступление

в Трентино также замерло... Как видно из сегодняшнего донесения нашего штаба, за два дня, 22 и 23 мая, нами взято в плен почти 26.000 человек (в том числе 480 офицеров), 27 орудий и более 50 пулеметов... Со времени великой галицийской битвы 1914 года еще ни разу за два дня подряд не было захвачено такого громадного количества пленных"{52}.

26 мая (8 июня): "Третий день нашего наступления на Юго-Западном фронте ознаменовался еще большими успехами, чем первые двое суток... До полдня 24-го мая армии генерала Брусилова взяли в плен 900 офицеров и более 40.000 нижних чинов и захватили 77 орудий и 134 пулемета".

Была опубликована телеграмма Николая II на имя генерала Брусилова: "Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность".

Как подчеркивала газета "Русское слово", на генерала Брусилова "теперь с гордостью и надеждой взирает вся Россия"{53}.

29 мая (II июня) Гофман записал: "Сегодня опять масса работы из-за почтенных союзников. Мы посылаем все, что только в силах"{54}.

В этот день Брусилов получил новую телеграмму верховного главнокомандующего: "Приветствую Вас, Алексей Алексеевич, с поражением врага и благодарю Вас, командующих армиями и всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство нашими доблестными войсками и за достижение весьма крупного успеха. Николай"{55}.

Одновременно Алексеев сообщил Брусилову содержание телеграммы главнокомандующего французскими армиями генерала Жоффра: "Вся французская армия ликует по поводу победы доблестной русской армии - победы, значение и результаты которой сказываются с каждым днем. Я счастлив случаю передать Вам выражение наших чувств и прошу Вас принять и передать генералу Брусилову наши поздравления с блестящей победой"{56}.

Тогда же в русских газетах была опубликована телеграмма президента Французской республики Николаю II. В ней, в частности, говорилось: "Блестящая победа, одержанная Россией, дает совместным операциям, намеченным союзными штабами, мощный толчок к общему успеху... Франция затрепетала от радости при этом счастливом известии, и я прошу Ваше Величество принять за Себя и за Вашу армию мои горячие поздравления"{57}.

31 мая (13 июня) газета "Утро России", подводя итоги первой недели наступления, констатировала: "Наши армии Юго-Западного фронта в течение одной операционной недели достигли таких результатов, о которых, конечно, едва ли кто-нибудь мог мечтать при условиях современной обороны полевых позиций. Пространства, покрываемые нашими войсками, измеряются не метрами и аршинами, а десятками верст, причем наибольшие расстояния, пройденные армиями генерала Брусилова, лежат на важнейших операционных направлениях, где противник оказывает интенсивное сопротивление при напряжении своих сил".

В том же номере газеты под заголовком "Отголоски побед" было помещено сообщение Петроградского телеграфного агентства: "Получены многочисленные телеграммы из разных городов империи о том, что сообщения о новых блестящих победах русского оружия повсеместно вызывают огромный энтузиазм среди местного населения. В церквах совершаются благодарственные молебствия. На улицах и в общественных местах царит ликование. Телеграммы расхватываются у газетчиков в несколько секунд и влекут новый подъем патриотических чувств"{58}.

Подобными сообщениями на протяжении всего периода наступления были заполнены русские газеты.

9(22) июня Гофман записал: "Мы продолжаем отдавать войска на юг"{59}.

Тремя 9 днями позднее Брусилов сообщал жене: "Получил от французского агента при Ставке извещение, что французское правительство пожаловало мне Почетного легиона 1 класса и военную медаль. Вообще наше наступление произвело на весь мир такой шум, а Россию и ее союзников так обрадовало, что мне делается не по себе, и боюсь сглазят"{60}.

В письмах домой Брусилов вел свою хронику наступления, фиксировал самоощущения в данную его минуту, давал откровенные оценки событиям и людям{61}.

17(30) июня: "Бои чрезвычайно тяжелые и, пока, продвигаемся очень медленно. Ковель дается очень трудно. Сознание, что ныне разыгрываемое сражение решающее и что от него зависит участь кампании - заставляет мен напрягать все силы ума и воли... Ни о чем, кроме боевых действий, думать не могу"{62}.

На следующий день, 18 июня (1 июля): "Дела идут недурно, считая, что могло бы быть гораздо хуже: как и нужно было ожидать против моего фронта неприятель направляет войска со всех сторон: от Эверта, Куропаткина, от итальянского,

французского и балканского фронтов... Ты не можешь себе представить количества писем, телеграмм, стихов, образов и образков, которые я получаю и сколько людей молятся за нас! Как жаждала Россия победы хоть где-нибудь и как-нибудь"{63}.

Еще через день, 20 июня (3 июля): "На фронте моем чрезвычайно тяжело. Несу громадные потери и атакуют нас сильно... Держимся и удерживаем захваченное... но вперед двигаться не можем. Хочу, однако, попробовать и завтра перейду в общее наступление. Не рассчитываю на особую удачу, но кое-где, может быть, удастся и, во всяком случае, это лучше, чем стоять на месте и отбиваться. Надеюсь, что станет легче, так как итальянцы перешли в наступление. Французы тоже, а сегодня и Эверт раскачался. Один Куропаткин все сомневается и не решается... Настолько решающее время: кто выиграет войну? Ни о чем другом думать не могу. Работаю и весь поглощен своим тяжким долгом"{64}.

Хронику противостояния продолжают дневниковые записи Гофмана: 21 июня (4 июля): "Мы теперь нацарапали со всех углов и концов войска, чтобы помочь на юге".

22 июня (5 июля): "Направо от нас приходится вести тяжелую борьбу. Мы посылаем все, что нам удается нацарапать".

24 июня (7 июля): "У австрийцев то же свинство"{65} - имеется ввиду обозначившийся новый успех войск Юго-Западного фронта.

26 июня (9 июля) Брусилов писал жене: "Наши дела идут, благодар милости Божьей, хорошо, и мои две армии вышли на Стоход. Теперь вопрос - взять Ковель... Сделано все, чтобы был успех, остальное в руке Божьей... Каждый день усердно молю Бога за ниспосланные моим войскам милости. Ведь подумай, своим наступлением я перечеркнул все карты австро-германцев, а ведь меня не хотели пускать"{66}.

И снова записи Гофмана. 5(18) июля: "Противники наступают на нас первый раз объединенными силами и мешают нам перебрасывать резервы с Востока на Запад".

13(26) июля: "Положение австрийцев, как и раньше, невеселое"{67}.

В связи с явно обозначившимся успехом русских армий в Галиции английский король Георг V в письме Николаю II охарактеризовал войска державы-союзницы как доблестные, а взятые ими в ходе наступательных боев трофеи и количество пленных как превосходные{68}.

20 июля (2 августа) Брусилов был пожалован "георгиевским оружием, бриллиантами украшенным"{69}.

1(14) августа Гофман в очередной раз записал в дневнике:

"Как и прежде, у нас много неприятностей с австрийцами".

Неделю спустя, 8(21) августа, он вновь обратился к этой теме: "Австрийский фронт напоминает больную челюсть. При каждом дуновении ветра моментально начинается зубная боль... Мы только и делаем, что стараемся наскребать какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час"{70}.

Одним из значимых результатов Брусиловского наступления в международном аспекте стало вступление в августе 1916 г. в войну Румынии на стороне держав Согласия.

П.М. Андрианов, автор изданной в начале 1917 г. биографии Брусилова, констатировал: "Имя славного вождя русской армии уже принадлежит истории... Нет ни одного уголка в пределах обширной нашей родины, где не отозвались бы на победы Брусилова, откуда не летел бы к нему благодарственный привет... Все союзные монархи и правители обласкали словами привета доблестного русского вождя...

О Брусилове с восторгом отозвалась печать всех союзных стран. Им его не сходило со столбцов газет и журналов. Им заинтересовался весь мир, как поистине выдающимся человеком... Ему доверяют, в него верят. На его талант возлагают свои надежды и русские люди и наши многочисленные союзники"{71}.

К 1917 г. слава Брусилова достигла апогея.

Верховный Главнокомандующий

Кампания 1917 г. планировалась ставкой с учетом опыта и результатов Брусиловского наступления летом 1916 г. 2-3(15-16) ноября 1916 г. по утвердившейся традиции в Шантильи собрались представители командования держав Согласия. Было м. решено, что к весне 1917 г. союзные армии подготовят совместные и согласованные операции, которые имели бы целью придать кампании этого года решающий характер. По плану Ставки, утвержденному 24 января (6 февраля) 1917 г., главный удар должен был наноситься южнее Полесья Юго-Западным и Румынским фронтами. Северный и Западный фронты должны были произвести вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих. На состоявшейся в Петрограде в январе-феврале 1917 г. очередной конференции представителей союзных армий были согласованы сроки начала общего наступления всеми участниками коалиции - не позднее 18 апреля (1 мая). Через неделю после отъезда союзнических делегаций из России в Петрограде началась революция.

События февральской революции 1917 г. Брусилов воспринял как "странный кризис во время столь ужасной войны". Кризис, который необходимо преодолеть "возможно скорей, дабы

внешний враг не смог бы воспользоваться нашей разрухой... Нужно во что бы то ни стало выиграть эту войну, иначе Росси пропадет"{72}. Он решительно выступил против мнения Ставки, что "приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо"{73}. На запрос из Ставки о его мнении по данному вопросу Брусилов ответил: "На военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено: 1) армии желают и могут наступать, 2) наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром"{74}.

Под влиянием соображений, высказанных большинством главнокомандующих фронтами, верховный главнокомандующий Алексеев 30 марта (12 апреля) утвердил директиву о подготовке наступления. В ней говорилось: "Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и при благоприятных условиях, по возможности, в первых числах мая провести ряд наступательных действий"{75}.

Позднее было принято решение, в связи с неготовностью армии, перенести начало наступления на июнь.

22 мая (4 июня) Брусилов сменил Алексеева на посту верховного главнокомандующего. Еще в марте, когда после победы революции обсуждался вопрос о том, кто из военачальников достоин занять эту должность в новых условиях, председатель Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко рекомендовал главе правительства Г.Е. Львову Брусилова - единственного из генералов, совмещавшего в себе "как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России"{76}. Ореол героя и решительна позиция в отношении продолжения русской армией активных боевых действий, совпадавшая с линией Временного правительства на подготовку наступления, определили его назначение.

А.Ф. Керенский в воспоминаниях так описывал предысторию этого события. В середине мая в Каменец-Подольске проходил съезд делегатов Юго-Западного фронта. В работе съезда принимали участие главнокомандующий фронтом генерал Брусилов и недавно назначенный военным и морским министром Керенский. После завершения работы съезда Керенский в сопровождении Брусилова посетил части фронта.

"Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, вспоминал Керенский, - мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в

тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознававших свою ответственность за судьбу страны... По главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали и мы оба полностью отвергали господствующую в верхних эшелонах власти идею, что "русской армии больше не существует". Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости наконец проявить мужество и взять на себя риск. В ту поездку в Тарнополь мы успели обговорить много важных вопросов, связанных с предстоящим наступлением, и я тогда же решил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать от Алексеева Брусилову"{77}.

В первом приказе нового верховного главнокомандующего говорилось: "Наши враги с их правительством, которые только одни имеют право вести переговоры о мире, на наши условия мириться без аннексий и контрибуций с правом самоопределения народов не согласны... Скоро три года, что мы ведем эту беспримерную войну, которую пора кончить и свободная наша Россия имеет право требовать от своих революционных армий и фронта полного напряжения всех наших сил и средств, дабы разбить коварного и непреклонного врага... Я призываю вас, всех русских воинов, сплотиться вокруг красного стяга с девизом: "свобода, равенство и братство" и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм, давящий своей безумной тяжестью народы всего мира... Итак, будьте готовы жертвовать собой, чтобы закрепить во что бы то ни стало наше достояние, а там, где это окажется нужным, по первому приказу, броситьс на врага и разбить его"{78}.

В день назначения на высший военный пост в государстве Брусилов писал брату Борису: "Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ищу, но от всей души желаю и имею лишь одну цель - спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны... у меня глубокая внутренняя убежденность, что мы победим и с честью выйдем из этой титанической войны... чувствую... все устроится хорошо. Старое правительство действовало безумно и довело нас до края гибели и это безумие простить ему нельзя. Затхла и невыносимо гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно, чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная

Россия с ее лучезарным будущим. Теперь же Россия больна, но этого пугаться не нужно, ибо ее здоровый организм вынесет эту болезнь, необходимую для ее развития"{79}.

Убежденность в возможности организации успешного наступления русских войск была высказана Брусиловым в интервью, которое он дал в тот же день корреспонденту газеты "Русское слово": "Я глубоко надеюсь, что русская армия больна только снаружи. Ныне чувствуется, что она с каждым днем воскресает и крепнет. Я убежден, что русская армия, будучи кость от кости и плоть от плоти великого русского народа, благополучно перенесет выпавшие на ее долю великие потрясения и, выйдя обновленной и сильной из всех тяжелых испытаний, выполнит свой долг перед родиной, чтобы закрепить навеки завоеванную революцией свободу во имя счастья всех трудящихся масс. Я думаю, что для этого армия ничего не пожалеет и постарается поскорее заставить врага заключить мир на тех условиях, которые твердо определены нашим Временным правительством, то есть без аннексий и контрибуций, на основе широкого самоопределения освобожденных от империалистического гнета народов"{80}.

На этой же полосе газеты был помещен отчет о выступлении Брусилова на заключительном заседании съезда делегатов Юго-Западного фронта. Генерал констатировал: "У нас теперь все есть в достаточном количестве. Армия снаряжена и вооружена прекрасно, даже лучше, чем была. Наступил также моральный перелом в солдатской среде. Теперь уже почти все готовы идти вперед, когда это будет приказано".

Там же была опубликована беседа специального корреспондента "Русского слова" с военным и морским министром, который, говоря о подъеме духа в войсках как о факте несомненном, утверждал, что "недолго уже осталось ждать событий на театре военных действий". 24 мая (6 июня) газета "Утро России" прокомментировала назначение популярного генерала на пост верховного главнокомандующего "как первый шаг к переходу в наступление".

Два дня спустя министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко в циркулярной телеграмме информировал дипломатических представителей России за границей:

"Процесс постепенного оздоровления армии продолжается... Керенский вынес из своего путешествия на Юго-Западный фронт и юг России благоприятное впечатление"{81}.

Временное правительство и Брусилов, взяв курс на практическую подготовку наступления, исходили в своих

расчетах из того, что активные действия русских войск будут поддержаны союзными армиями. 8(21) июня начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский обратился к английскому и французскому представителям при Ставке с письмом, содержавшим настоятельную просьбу Брусилова предпринять непосредственно вслед за атаками русских армий наступательные операции на других фронтах. Аналогичная просьба была направлена правительствам союзных держав по дипломатическим каналам.

Однако расчеты эти оказались неверными - союзники России, подталкивая ее к активизации боевых действий, не были уверены в успехе русского наступления и предпочли занять выжидательную позицию{82}. Позднее Брусилов утверждал, что становясь во главе вооруженных сил воюющего

государства, он "понимал, что в сущности война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которую могли убаюкиваться люди, подобные Керенскому, Соколову и тому подобным профанам в военном деле, но не мне"{83}. Но тогда, летом 1917 г., он думал и писал другое: "Да будет Воля Божья над Россией. Победа над врагом ее бы спасла... Мне лично ничего не нужно и никакой славы для себя я не ищу, но спасти Россию нужно. Без победы это почти невозможно и в случае поражения она может рассыпаться, ибо анархия в полном ходу"{84}.

11(24) июня газета "Утро России" опубликовала отчет о беседе Брусилова с корреспондентом Т. Ардовым, который был принят верховным главнокомандующим в Ставке. "Почему-то я привык представлять себе Брусилова высоким человеком. А он ростом невелик. И это поразило меня. Впрочем и весь он поразил мен - вся его сухая и удивительно пропорциональная и оттого кажущаяся легкой и моложавой фигура и особенно его лицо, тоже сухое, нервное, худое, подтянутое, с впалыми щеками... Хотя лицо у А.А. Брусилова не длинное, с большим, четко очерченным лбом, захватывающим с боков часть черепа, на голове, выдаваясь мыском вперед ровной щеткой, густо торчат почти седые волосы. Но что особенно поразило меня, это взгляд его серых глаз... глаза Брусилова горят каким-то странным огнем, когда он улыбается... Смысл его слов... все "образуется", нужны только такт, умение и смелость... Как, неужели только он, вот этот маленький сухонький человек, этот скромный, обыкновенный генерал, не блещущий ни академической ученостью, ни величием государственной карьеры, один только знает как спасти армию, один только нащупал правильный путь? Должен сказать, что во многих кругах эта смелость вызывает сомнение. Качают

головами: "Дай Бог ему, но только..." и не договаривают... А я сидел и задавал себе вопрос: "Ведь если взялся, так, значит, знает? Ведь иначе-то не может быть". А он все повторял: "Я не пророк. Я только исполняю долг, а остальное не от нас. Но уповаю, что все будет успешно..." Я не знаю, что будет. Может быть упования генерала не сбудутся. "Это не от нас". А.А. Брусилов взял управление армией в такую минуту, при таких условиях, что если даже успех и не увенчает его работу, вина не на нем. Все равно, даже тогда он принесет пользу России".

Брусилов деятельно готовил наступательную операцию. Эта подготовка не осталась незамеченной противником. М. Гофман, ставший с августа 1916 г. начальником штаба немецкого Восточного фронта, зафиксировал в дневнике 25 мая (7 июня): "Алексеев обещал предпринять наступление, а пока что он смещен, и Брусилов занял его место. Нужно подождать, пока выяснится, удастся ли осуществить наступление Брусилову. Во всяком случае мы предпринимаем все нужные меры". 6(19) июня: "По-видимому, русские действительно намереваются наступать на нас в Галиции. Ну, что ж, пусть начнут".

12(25) июня: "Все мои приготовления закончены".

16(29) июня: "Я жду, начнет ли Брусилов свое наступление в Галиции или нет. Хочу надеяться, что он это сделает. И тогда я ему доставлю одну приятную "неожиданность"{85}.

16(29) июня артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. Артподготовка велась днем и ночью. Никогда еще за три года войны русская армия не располагала таким количеством артиллерии. В полосе прорыва русские войска превосходили противника в орудиях, в том числе в тяжелых, более чем в два раза. Эффективность артподготовки во многом определили результаты тщательно проведенной наземной разведки и аэрофотосъемки. Плотность наступавших войск удалось довести до 2-2,5 дивизий и 30-35 орудий на 1 км фронта, а в полосе 7-й армии, наносившей главный удар в направлении на Львов, до 44 орудий на 1 км фронта{86}. 18 июня (1 июля) началась атака пехоты, имевшей на участке прорыва в целом трехкратное превосходство в людях над противником. Но тактический успех на направлении главного удара, обозначившийся в первые два дня, оказался эфемерным. Удача выпала на долю 8-й армии, наносившей вспомогательный удар: 23 июня (6 июля) ее войска прорвали оборону противника, через три дня заняли Галич, а на следующий день - Калуш.

Хронику русского наступления дают дневниковые записи Гофмана. 18 июня (1 июля): "Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8-10 дней, и тогда мы дадим им

хорошенько по голове".

23 июня (6 июля): "Пока моя "неожиданность" будет проведена в жизнь, нужно еще подождать 10-14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление".

24 июня (7 июля): "Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления к "неожиданности" планомерно продолжаются".

28 июня (8 июля): "Сражение в Галиции очень тяжелое, но нет никаких поводов для опасений"{87}.

Германское командование, сняв до пяти дивизий с других участков своего Восточного фронта и перебросив 11 дивизий с Западного, нанесло контрудар на правом фланге русского Юго-Западного фронта{88}. 6(19) июля немцы прорвали фронт 11-й армии у Злочева.

Брусилов потребовал от командования Юго-Западного фронта "не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контратаку и восстановить положение"{89}. Однако выполнить этот приказ не удалось ни командовавшему Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанту Гутору, ни сменившему его в этой должности генералу от инфантерии Корнилову.

Гофман записал: 8(21) июля: "Дело развивается планомерно".

10(23) июля: "Дела идут лучше, чем мы даже ожидали. Вся русская арми до самых Карпат отступает"{90}.

12(25) июля немцами был занят Тарнополь.

Неудачное развитие событий на Юго-Западном фронте побудило Брусилова предпринять активные боевые действия на других участках. На направлении главного удара Западного фронта было создано трехкратное превосходство в артиллерии и трехкратное в людях. После трехдневной артиллерийской подготовки 9(22) июля в атаку пошла пехота. Но уже на следующий день Ставка приказала Западному фронту перейти к обороне.

7(20) июля началось наступление на Румынском фронте, однако через пять дней оно было остановлено.

10(23) июля перешла в наступление 5-я армия Северного фронта. Заняв первую линию окопов противника, солдаты вернулись на исходные позиции.

Верховный главнокомандующий пытался восстановить положение, прибегнув к карательным мерам. 12(25) июля была восстановлена смертная казнь на фронте, отмененная после победы Февральской революции. В тот же день Брусилов телеграфировал Керенскому: "Приложу все силы ума и воли,

чтобы спасти Россию и завоевания, достигнутые революцией. Мною незамедлительно будут даны указания всем главнокомандующим о принятии мер по восстановлению боевой мощи на началах воссоздания железной дисциплины и власти начальников"{91}.

18(31) июля Брусилов был освобожден от должности верховного главнокомандующего и получил предписание Временного правительства немедленно сдать дела и покинуть Ставку. На него была возложена ответственность за неудачу наступления. Так окончился брусиловский период летней кампании 1917 г.

Заключение

21 июля (3 августа) Брусилов приехал в Москву и поселился с женой в доме No 4 по Мансуровскому переулку на Остоженке. Во время революционных боев в Москве при обстреле артиллерией восставших здания штаба военного округа мортирный снаряд попал в квартиру Брусиловых. Алексей Алексеевич получил тяжелое ранение в ногу и до июля 1918 г. находился на излечении в клинике. Осенью этого года генерал был арестован по подозрению в участии в заговоре против советской власти, организованном английским дипломатом и разведчиком Б. Локкартом, и в течение двух месяцев содержался на гауптвахте в Кремле. Подозрение не подтвердилось - Брусилов стал жертвой славы своего имени, которое заговорщики упоминали в переписке при обсуждении кандидатуры на роль вождя белого движения, - и генерал был освобожден. Весной 1920 г. Брусилов возглавил Особое совещание при главнокомандующем вооруженными силами РСФСР, а с октября этого же года - член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете. В ноябре 1921 г. Брусилов назначается председателем комиссии по организации кавалерийской допризывной подготовки, а в июле 1922 г. - главным военным инспектором коннозаводства и коневодства. С февраля 1923 г. Брусилов инспектор кавалерии РККА, с марта 1924 г. - состоит для особых поручений при Реввоенсовете. С 1925 г. в отставке.

17 марта 1926 г. А.А. Брусилов скончался от паралича сердца. Он был похоронен с воинскими почестями на территории Новодевичьего кладбища в Москве.

В чем же причина того, что талантливый военачальник, предложивший и осуществивший в 1916 г. оригинальную идею фронтовой операции, успех которой принес ему всероссийскую славу, год спустя, обладая полномочиями и властью верховного главнокомандующего, потерпел сокрушительное поражение? В новых условиях Брусилов оказался несомасштабен задаче

руководства всеми вооруженными силами государства. Эти новые, по сравнению с 1916 г., условия были созданы прежде всего победой в России Февральской революции.

Наступление русских армий летом 1917 г. было не скоординировано с операциями других держав Согласия. Вследствие падения международного авторитета России союзники даже не проинформировали Временное правительство и Брусилова о решении воздержаться от поддержки наступления на русском фронте одновременными с ним активными действиями на Западе.

Брусилов готовил операцию на основе плана, утвержденного еще царской Ставкой, полагая, что договоренности, достигнутые в Шантильи в ноябре 1916 г. и в Петрограде в феврале 1917 г., сохранят силу. Этот его расчет не оправдался. Союзная Франция после провала своего неудачного наступления в апреле 1917 г., вызвавшего массовые волнения в армии, рост забастовочного и антивоенного движения, вынуждена была отказаться от новых наступательных операций до тех пор, пока не будет достигнуто превосходство над противником в снаряжении и численности войск. Английская и итальянская армии вели в мае-июне 1917 г. изолированные операции с ограниченными целями. В результате германское командование смогло заранее подготовить и беспрепятственно осуществить переброску войск с запада на восток.

Специалисты в области военной истории констатировали, что "если подходить к оценке общего замысла Ставки с чисто военной точки зрения, то в нем вряд ли можно усмотреть какие-либо существенные погрешности... Подготовка наступления в оперативно-тактическом отношении... была проведена достаточно полно. На направлении главного удара удалось обеспечить необходимое превосходство в силах и средствах "{92}. Но в то же время ни идея, ни план, ни подготовка наступления 1917 г. в отличие от наступления 1916 г. не составляли секрета для противника - им был заранее спланирован и подготовлен контрудар. Верховный главнокомандующий Брусилов не имел преимущества Брусилова - главнокомандующего Юго-Западным фронтом - оригинальности замысла операции и ее внезапности.

В 1917 г. Брусилов вынужден был считаться с тем, что в ходе революции миллионные массы солдат на фронте активно включились в политическую жизнь страны и теперь от их позиции в вопросе о продолжении войны зависела возможность проведения русской армией боевых операций. В воспоминаниях генерал признал, что ко времени вступления в должность верховного главнокомандующего "войска всех фронтов

совершенно вышли из повиновения... не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать". Брусилов, однако, сумел использовать последнее, по его словам, средство, к которому тогда еще можно было прибегнуть в целях агитации за наступление - авторитету имени и ораторскому таланту Керенского: "Солдатская масса встречала его восторженно, обещала все, что угодно"{93}.

Но Брусилов не был бы Брусиловым, если бы, принимая на себя подготовку наступательной операции, уповал только на Керенского, находившегося тогда в зените популярности.

"Что касается меня, - вспоминал генерал, - то я хорошо сознавал, что после первого акта революции, бывшего в 1905-1906 годах, неминуемо должен быть и второй акт как неизбежное последствие этой грозной и продолжительной войны. Мне, любящему Россию всеми силами своей души, хотелось лишь одного: дать возможность закончить эту войну победоносно для России... Какую бы физиономию революция ни приняла, я внутренне решил покориться воле народной, но желал, чтобы Россия сохранила свою мощь, а для этого необходимо было выиграть войну"{94}.

Во имя победы Брусилов готов был не щадить ни себя, ни других, использовать любые средства. Он формировал ударные добровольческие части, которым предстояло первыми начать атаку. Но видел и другое их назначение быть заградительными отрядами, когда "с последним выстрелом на фронте все, что теперь удается удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках"{95}. В условиях начавшегося отступления именно Брусилов санкционировал применение карательных мер в целях укрепления дисциплины в революционной армии.

Несмотря на революционную риторику своих послефевральских приказов, Брусилов в 1917 г. оставался все тем же генералом царской армии. Он не смог понять, что людей, которые в ходе революции осознали свои жизненные интересы, уже нельзя опять заставить сражаться в войне, цели и смысла продолжени которой они не понимали.

26 октября (8 ноября) 1917 г. Декретом о мире, принятым II Всероссийским съездом Советов, новое правительство России предложило народам и правительствам всех воюющих государств начать немедленные переговоры о прекращении войны и заключении справедливого демократического мира. В марте 1918 г. Брест-Литовским мирным договором между Советской Россией, с одной стороны, и государствами Четверного союза, с другой, были зафиксированы условия выхода России из первой мировой войны. 13 ноября 1918 г. Брест-Литовский мирный договор был

аннулирован Советским правительством.

Примечания

{1}Гофман М. Записки и дневники 1914-1918 гг. Л., 1929, с. 202.

{2}Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976, с. 325-326.

{3}Русское слово, 23.V (5.VI). 1917.

{4}Биржевые ведомости. 21.VII (3.VIII) 1917.

{5}Письмо А.А. Брусилова начальнику Всероссийского главного штаба Н.И. Ратцелю. - Цит. по: Военно-исторический журнал, 1989, No10, с. 71.

{6}Генерал-адъютант генерал от кавалерии А.А. Брусилов. - Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мирова война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994, с. 151-155.

{7}Наряду с изданием общего характера: Стратегический очерк войны 1914-1918 гг., ч. 1-7. М., 1920-1923, - были опубликованы специальные работы: Незнамов А. Два прорыва. - Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 4. М., 1921; Мирова война 1914-1918 гг. Луцкий прорыв. Материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. М., 1924; Вольпе А. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. М., 1931; Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 г. Прорыв укрепленной полосы и форсирование реки. М., 1937; Рождественский М. Луцкий прорыв. М., 1938.

{8}Брусилов А.А. Прорыв австро-германского фронта в 1916 г.- Война и революция, 1927, No 4, 5; его же.. Мои воспоминания. Посмертное издание. М. Л., 1929. Почти одновременно с публикацией в СССР воспоминания Брусилова были опубликованы в Риге на русском языке и в Париже на французском.

{9}Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940; Яковлев В. Инженерное обеспечение Брусиловского прорыва (1916). Военно-исторический журнал, 1940, No 8; Вебер Ю. Брусиловский прорыв. М., 1941; Кузнецов Б.И. Кампания 1916 г. на фронтах первой мировой войны. М., 1941, и др.

{10}Брусилов А.А. Мои воспоминания, 2-е изд. М., 1941; 3-е изд.{б.м.}, 1943. Уже после войны, в 1946 г., Военным издательством было выпущено четвертое издание воспоминаний Брусилова. В предисловии к этому изданию, написанном генерал-лейтенантом М. Галактионовым, подчеркивалось, что

"Брусиловский прорыв является предтечей замечательных прорывов, осуществленных Красной Армией в Великой Отечественной войне" (с. 9).

{11}Мавродин В.В. Брусилов. М., 1942; 2-е изд. М., 1943; 3-е изд. М., 1944.

{12}Сергеев-Ценский С.Н. Брусиловский прорыв. Исторический роман. М,, 1943; 2-е изд. М., 1944; Сельвинскии И.Л. Генерал Брусилов. Драма. М., 1942; Вахтеров И.В.. Разумовский А.В. Русский генерал. О Брусилове. Пьеса. М., 1946; Слезкин Ю.Л. Брусилов. Роман. М., 1947, и др.

{13. Брусилов А.А. Мои воспоминания. - Военные архивы России, вып. 1. М., 1993, с. 372-403.

{14}Белов Г. Правда о генерале Брусилове. - Известия, 12.IX. 1962; его же. Русский полководец А.А. Брусилов. - Военно-исторический журнал, 1962, No 10.

{15}Брусилов А.А. Мои воспоминания, 5-е изд. М., 1963.

{16. Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М., 1964.

{17}Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980; его же. Генерал Брусилов. Документальное повествование. М., 1986; Соколов Ю.В. Алексей Алексеевич Брусилов. - Вопросы истории, 1988, No 11. В 1983 г. увидело свет новое, шестое по счету, издание воспоминаний А.А. Брусилова.

{18}Военно-исторический журнал, 1989, No 10, 12; 1990, No 2; 1991, No 2.

{19}Соколов Ю.В. Указ. соч., с. 93.

{20}Соколов Ю.В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М., 1994, с. 161.

{21}Кроме уже названных исследований и воспоминаний самого А.А. Брусилова укажем фундаментальные издания: Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг., т. 1-3. М., 1938; Хвостов В.М. Истори дипломатии в новое время. 1871-1914. М., 1963; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; История первой мировой войны 1914-1918 гг., т. 1-2. М., 1975.

Существенное значение для темы имеют работы: Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г.- Военно-исторический журнал, 1967, No 5; Емец В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведени войны. М., 1977; Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983; его же. К вопросу о моральнополитическом состоянии русской армии в 1917 г. - Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Лютое И.С.. Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту первой

и второй мировых войн. М., 1988, и др.

{22}Брусилов А.А. Мои воспоминания, 4-е изд. М., 1946, с. 211, 241 (далее в тексте ссылки на это издание). Субъективный фактор при объяснении действий Брусилова в 1917 г. подчеркивалс и Н.В. Брусиловой, хранившей до передачи в РЗИА архив генерала. Так, на тексте карандашного автографа приказа генерала Брусилова в связи с вступлением его 22 мая 1917 г. в должность верховного главнокомандующего русской армией есть приписка, сделанная рукой Н.В. Брусиловой: "Уже тогда по почерку видно, как он был измучен". Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), ф. 5972, оп. 3, д. 162, л. 1.

{23}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 127. Послужной список А.А. Брусилова (январь 1895 г.).

{24}Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 41.

{25}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 68. Опубликованы А.Г. Голиковым: Источник. Документы русской истории, 1994, No 5, с. 12-26.

{26}Витте С.Ю. Воспоминания, т. 1. М., 1960, с. 13.

{27}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 70, л. 20. Брусилов - Брусиловой, 5(18) октября 1914 г.

{28}Там же, д. 69, л. 366 об. - 367. Брусилов - Брусиловой, 25 января (7 февраля) 1915 г.

{29}Там же, л. 228. Брусилов - Брусиловой, 3(16) февраля 1916 г.

{30}Там же, л. 353. Брусилов - Брусиловой. 10(23) марта 1916 г.

{31}Там же, л. 268. Брусилов - Брусиловой, 14(27) марта 1916 г.

{32}Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 182.

{33}Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915-2 июля 1916). Пг., 1920, с. 698.

{34}Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 185.

{35}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 6. Брусилов - Брусиловой. 18 июня (1 июля) 1916 г.

{36}Цит. по: Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. М., 1940, с. 118.

{37}Там же, с. 190-191. Алексеев -Брусилову, 19 мая (1 июня) 1916 г.

{38}Там же, с. 192. Брусилов - Алексееву, 20 мая (2 июня) 1916 г.

{39}Там же, с. 193. Алексеев - Брусилову, 21 мая (3 июня) 1916 г.

{40}Клаузевиц К. О войне, т. 3. М., 1933, с. 94.

{41}Цит. по: Валентинов Н. Сношени с союзниками по

военным вопросам во время войны 1914-1918 гг., ч. 1. М., 1920, с. 126.

{42}Там же, с. 136.

{43}Зайончковский А.М. Указ. соч., с. 21. Следует отметить, что соответствующие данные в других источниках могут не совпадать с приведенными А.М. Зайончковским, но в целом соотношение людских ресурсов держав они рисуют аналогичным образом.

{44}Сидоров А.Л. Указ. соч., с. 331.

{45}Там же, с. 118, 119, 123.

{46}Цит. по: Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г., с. 115-117: Указание командующим армиями фронта от 5(18) апреля 1916 г.

{47}Там же, с. 118-122: Указание командующим армиями фронта от 6(19) апреля 1916 г.

{48}Там же, с. 173-174.

{49}Там же, с. 174.

{50}Русское слово, 24.V (6.VI). 1916.

{51}Гофман М. Указ. соч., с. 202.

{52}Русское слово, 25.V(7.VI). 1916.

{53}Русское слово, 26.V(8.VI). 1916.

{54}Гофман М. Указ. соч., с. 203.

{55}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 98, л. 12.

{56}Там же, л. 13.

{57}Утро России, 29.V(11.VI). 1916.

{58}Утро России, 31.V(l3.VI). 1916.

{59}Гофман М. Указ. соч., с. 205.

{60}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 1206. - 13. Брусилов - Брусиловой, 12(25) июня 1916 г.

{61}"Нужно же кому-нибудь высказаться", - замечает он в письме жене 10(23) октября 1916 г. и тут же: "Только сердечно прошу никому ни слова не говорить". - Там же, л. 24106.

{62}Там же, л. 328. Брусилов - Брусиловой, 17(30) июня 1916 г.

{63}Там же, л. 5-6. Брусилов - Брусиловой, 18 июня (1 июля) 1916 г.

{64}Там же, л. 60б. Брусилов - Брусиловой, 20 июня (3 июля) 1916 г.

{65}Гофман М. Указ. соч., с. 207-208.

{66}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 8. Брусилов - Брусиловой, 26 июня (9 июля) 1916 г.

{67}Гофман М. Указ. соч., с. 208,210.

{68}Источник. Документы русской истории, 1997, No 2, с. 39. Георг V Николаю II, 13(26) июля 1916 г.

{69}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 98, Л. 15. Генерал Михеев - Брусилову, 27 июля (9 августа) 1916 г.

{70}Гофман М. Указ. соч., с. 212, 214.

{71}Андрианов П.М. Генерал Брусилов. Одесса, 1917, с. 4, 15, 17.

{72. ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 203. Брусилов - Брусиловой, 1(14) марта 1917 г.

{73}Разложение армии в 1917 году. 1917 год в документах и материалах. М. Л., 1925, с. II.

{74}Там же, с. 30.

{75}Цит. по: Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 г., с. 58.

{76}Генерал Алексеев и Временный комитет Государственной Думы. - Красный архив. 1922, т. 2. с. 285.

{77}Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993, с. 194-195.

{78}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 62. Автограф.

{79}Там же, д. 69, л. 122.

{80}Русское слово. 23.V(5.VI).1917.

{81}Цит. по: Васюков В.С. Внешн политика Временного правительства. М., 1966, с. 169.

{82}См. подробнее: Игнатьев А.В. Внешн политика Временного правительства. М.. 1974, с. 232-301.

{83}ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 3, л. 21 1. Военные записки Брусилова. Машинописная копия. Текст записок опубликован: Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 241.

{84}ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 69, л. 18506-18606. Брусилов - Брусиловой. 5(18) июня 1917 г.

{85}Гофман М. Указ. соч., с. 230-231.

{86}Ростунов И.И. Указ. соч., с. 358-369; Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.), с. 57.

{87}Гофман М. Указ. соч., с. 231-232.

{88}Ростунов И.И. Указ. соч., с. 359.

{89}Стратегический очерк войны 1914-1918 гг., ч. 7, с. 80. Брусилов Гутору, 7(20) июля 1917 г.

{90}Гофман М. Указ. соч.. с. 232.

{91}Стратегический очерк войны 1914-1918 гг., ч. 7, с. 83. В воспоминаниях Брусилов утверждает, что подписал приказ и разослал его главнокомандующим фронтами "по настоянию Керенского" и что "этот приказ не был выполнен и остался на бумаге". - Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 242.

{92}Ростунов И.И. Указ. соч., с. 354, 362-363.

{93}Брусилов А.А. Мои воспоминания, с. 231, 241.

{94}Там же, с. 226-227.

{95}Цит. по: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г., с. 164.